

Гражданское общество и правовое государство: диалектика и динамика взаимодействия

В.К. Левашов

*«Возникла обща власть в народе
Соборный всех властей удел.
Ей общество во всем послушно,
Повсюду с ней единодушно;
Для пользы общей нет препон».*
А.Н. Радищев

Социализация государства и этатизация общества

Глобальная социально-политическая тенденция развития социума заключается в том, что объективные процессы обобществления производства и научно-технического прогресса детерминируют социализацию государства и этатизацию общества. К сожалению, в нашей стране сначала в атмосфере догматического марксизма, а затем ортодоксального либерализма не могли не возникнуть облегченные и вульгарные взгляды на природу и диалектику социального государства, историю становления которого начинают отсчитывать, как правило, с середины XX в. Это не совсем соответствует историческим фактам.

Практика и теория социального государства в единстве гражданского общества и правового государства складываются из многих составляющих социальной реальности и отражают сущность и логику развития социально-политических процессов, происходивших в мире на протяжении многих веков. *Социализация государства и этатизация общества resultируются в эффектах проявления социального государства, протекая как медленный, сквозь века идущий процесс солидаризации и практической реализации жизненных интересов членов общества (граждан) посредством совершенствования правовых институтов собственности и механизмов демократического управления.*

Государство с развивающейся системой гражданских, политических и правовых институций появилось в глубокой древности (Древний Египет, государства древней Месопотамии, Шумер и Аккад, Ассирия, Вавилон, государства долин Инда и Ганга, Древний Китай, древнегреческие полисы, Древний Рим, государства автохтонных народов Северной Америки) как результат общественного разделения труда, выделения из простого собирательства земледелия, ско-

товодства, ремесла, торговли. «Первый, кто напал на мысль, огородив участок земли, сказать: “Это мое” — и нашел людей, достаточно простодушных, чтобы этому поверить, был истинным основателем гражданского общества. От скольких преступлений, войн и убийств, от скольких бедствий и ужасов избавил бы род человеческий тот, кто, выдернув колья и засыпав ров, крикнул бы своим ближним: “Не слушайте лучше этого обманщика, вы погибли, если способны забыть, что плоды земные принадлежат всем, а земля — никому!”»¹. Общественный прогресс неумолимо следует объективным законам человеческой природы, общественного развития и лишен возможности прислушиваться даже к самым благим романтическим пожеланиям мыслителей, политиков и ученых. Возникновение производительной экономики положило начало процессу дифференциации общинной, родоплеменной и семейной собственности, появлению частной собственности — защищенного законом права гражданина или юридического лица на конкретное имущество, включая средства производства.

В Европе процессы согласования интересов и действий в социуме — этатизация общества и социализация государства — начались среди узкого круга свободных граждан, ставших такими в силу имущественных или сословных критериев, как, например, в рабовладельческих древнегреческих городах-полисах или в Римской республике. Как правовой институт собственность и частная собственность сложились в римском праве во II в. н. э. Многообразие форм собственности, а вместе с этим изобретением цивилизации многообразие гражданских и государственно-правовых отношений, прорастает сквозь века и уходит в своем развитии в будущее. По признаку субъектов собственности выделяют собственность отдельных граждан, коллективов, семьи, государства, международных объединений, по форме присвоения — индивидуальную, коллективную и государственную собственность. По признаку объектов социализации собственность можно дифференцировать на индивидуальную, групповую и общественную. На практике эти формы переплетаются и накладываются друг на друга, отражаясь в гражданских традициях, национальных законодательствах и международном праве. В целом институт собственности развивается по законам устойчивости социального мира — единство в многообразии и актуальном балансе социально-экономических форм собственности.

Еще одним этапом становления социального государства в единстве гражданского общества и правового государства стало развитие сословной демократии в Средние века. В 1215 г. английские бароны заставили короля Иоанна Безземельного подписать Хартию вольностей, которая, по сути дела, стала Декларацией политических свобод буржуазии, зарождающейся в недрах сходящего с исторической сцены феодального общества на Британских островах. Великая Французская революция сделала возможным принятие Учредительным собранием Декларации прав человека и гражданина, в которой были выражены социальные и политические интересы буржуазии, крестьянства и городского плебейства: свободы личности, слова, совести, равенства граждан перед зако-

¹ Руссо Ж.Ж. О причинах неравенства // Антология мировой философии: В 4 т. М., 1970. Т. 2. С. 560–567.

ном, права на сопротивление угнетению. Это были первые шаги европейцев на пути к социальному государству.

Фундаментальные противоречия между провозглашенными лозунгами и неравноправными социальными отношениями, проявившиеся после победы буржуазных революций в Европе, увидели и вынесли на суд общества социалисты-утописты и просвещенные мыслители XVIII в. Так, детальный анализ ограниченного характера социального государства буржуазной демократии дали в своих работах К. Маркс и Ф. Энгельс.

Американский экономист Дж. Гэлбрейт считает, что начало процессу становления государства всеобщего благоденствия было положено в Германии в 1870 г., что явилось следствием революционных настроений германского рабочего класса². Противоречивый характер социальных реформ О. Бисмарка дал повод Ф. Энгельсу назвать их «прусским социализмом». Тем не менее буржуазные государства, защищая интересы меньшинства, под давлением широких социальных слоев снизу в Германии и Великобритании были вынуждены принимать законы о социальном страховании. В Европе продолжался медленный процесс трансформации государства насилия над большинством в социальное государство защиты интересов большинства.

По мере того, как в XIX и XX вв. социально-политические конфликты и глобальные проблемы стали приобретать планетарные масштабы, процессы социализации государства, его структур и институтов начали захватывать современные индустриальные страны. Мощнейшим импульсом, резко ускорившим эти процессы в XX в., стала Великая российская революция 1917 г. Она дала новый толчок развитию новых механизмов и инструментов социального государства благодаря возникновению советской формы демократии и впечатляющим результатам социальной политики Советского государства.

В 1930-е гг. не только в России, но и в других странах, в первую очередь промышленно-развитых, начались интенсивные поиски новых социально-политических технологий. Историческая, национальная, социокультурная специфика в каждой конкретной стране по-своему отражалась в социальных инновациях, формах, механизмах взаимодействия общества и государственных институтов. Но сутью и направлением этих процессов было общее стремление — избежать крупномасштабных социальных конфликтов путем согласования интересов, раздела ресурсов и создания эффективных социально-политических механизмов на национальном и международном уровнях.

В США правительство президента Ф. Рузвельта в 1933–1938 гг. для преодоления мирового экономического кризиса и смягчения противоречий американского капитализма проводило политику «Нового курса», которая сочетала методы по усилению государственного регулирования национальной экономики и проведению активной социальной политики. В основе этой политики лежали идеи Дж. Кейнса, основоположника теории государственного регулирования экономики. Он считал, что рост крупных корпораций и массового производства значительно опередил массовый спрос, что и привело к усилению неустой-

² См. Гэлбрейт Дж.К., Меньшиков С. Капитализм, социализм, существование. М.: Прогресс, 1988. С. 80–81.

чивости экономики и стало одной из важнейших причин Великой депрессии 1930-х гг. Ф. Рузвельт полагал, что для ликвидации этого положения государство должно взять на себя ответственность за развитие экономики, сменить роль «ночного сторожа» на роль «совета управляющих», побуждающих общество зарабатывать деньги и правильно их расходовать. Закон о социальном страховании 1935 г. стал успешной попыткой ослабления антагонизма в сфере отношений труда и капитала и концентрации внимания государства на недостатках в таких сферах, как жилищное строительство, медицинское обслуживание и образование.

В первой половине XX в., еще во времена господства национал-социализма, идеи социального рыночного хозяйства получили развитие в школе неолибералов в Германии. В 1932 г. Александр Люстов сформулировал принципы неолиберализма. В 1937 г. профессора Франц Бель, Вальтер Ойкен и Ганс Гросман-Дерт начали публикацию серии работ, в которых показывали, что основная задача государства заключается в осознании необходимости формирования социально ориентированного политического и экономического порядка. А. Гитлер использовал эту потребность в своих целях. Пообещав немцам рай за счет других наций, он стал добиваться мирового господства на основе антигуманной национал-социалистской идеологии.

Очевидно, что ни И. Сталин, ни А. Гитлер, ни Ф. Рузвельт не абсолютизировали методы тотального администрирования в политической и экономической жизни своих стран. Это были вынужденные политические мобилизационные социальные технологии, вызванные задачами концентрации военной и экономической мощи в период Второй мировой войны. Как только задачи чрезвычайного периода оказывались выполненными, глобальная тенденция возникновения и функционирования социального государства пробивала себе дорогу к жизни на разных континентах, в разных странах с учетом национальной, исторической, политической, экономической, социокультурной специфики.

Во второй половине XX в. теоретические и практические поиски путей строительства социального государства как средства, позволяющего избежать новых глобальных конфликтов, начались практически во всех идейно-политических течениях общественной мысли — от консервативных либералов до ортодоксальных и левых коммунистов. Именно это обстоятельство позволило известному политологу либеральной ориентации Ральфу Дарендорфу констатировать: история последнего столетия, особенно последних тридцати лет, показывает, что сопротивление правящих групп заканчивалось признанием тех ценностей, которые они раньше отвергали. «В своих лучших возможностях XX век был социал-демократическим. Таким его сделали не одни социал-демократы. В конце концов мы (почти) все стали социал-демократами»³.

Заслуга практической реализации социального рыночного хозяйства в ФРГ принадлежит Людвигу Эрхарду и статс-секретарю Федерального министерства экономики профессору Альфреду Мюллер-Армаку. Именно они создали организационные предпосылки возникновения феномена «германского чуда».

³ Социал-демократия в конце 1980-х годов. Научно-аналитический обзор. ИНИОН. М., 1990. С. 11–12.

Используя ресурсы плана Маршалла, К. Аденауэр и Л. Эрхард сумели создать в разрушенной Германии такой социальный и экономический порядок, который обеспечил высокую мотивацию труда, впечатляющие темпы производства, технологическое обновление и эффективно действующую систему социальной защиты. Западная Германия прошла период ускоренной социально-политической реабилитации и начала устойчиво развиваться на базе традиционных немецких ценностей, в фундаменте которых лежала этика протестантизма.

Социально ориентированное рыночное хозяйство возникло и успешно развивается в Японии. Факторы производства: труд, земля и капитал в оккупированной Японии — были удачно наложены на систему национальной корпоративной нравственности и этики. Такая комбинация дала удивительные результаты. Японская система управления персоналом на крупных и мелких фирмах в своей основе использует современные и традиционные для японского общества принципы и методы социального управления. Освобожденная, материально и духовно мотивированная национальным образом социальная энергия японского общества позволила обойти своих учителей — США и Европу — в производстве конкурентоспособной продукции и продвижении товаров на рынки.

Свою особую траекторию в мировом социальном движении нашла шведская модель развития, основные узлы и конструкции которой были заложены У. Пальме в 1975 г. Он критиковал экономические системы как в капиталистических, так и в коммунистических странах и считал, что для них характерны недемократическая концепция власти, неравноправное распределение ресурсов, культ потребления, максимизация прибыли и хищническое отношение к природным ресурсам и экосфере. Основная цель шведских социал-демократов сформулирована Э. Вигфорсом и отражает идеи функционального демократического социализма — «изменить экономическую организацию буржуазного общества таким образом, чтобы право принятия решения на производстве находилось в руках всего народа, чтобы большинство освободилось от власти меньшинства, владеющего капиталом, и на основе нового типа экономики создало общество, основанное на сотрудничестве граждан на принципах свободы и равноправия»⁴.

Второе дыхание получила китайская социалистическая модель развития после того, как традиционные формы социальной организации общества, регулируемый государством рынок и созданный в мобилизационный период развития индустриальный потенциал были задействованы в балансе интересов общества, государства и личности. Китайское государство нашло механизмы социального развития, которые позволяют обеспечивать в обществе устойчивый консенсус интересов и высокую мотивацию труда. В условиях глобального экономического кризиса китайское государство, взяв на себя роль регулятора внутреннего рынка, обеспечило на нем высокий спрос, что позволило сохранить высокие темпы развития экономики, в отличие от ОЭСР.

История убедительно показывает, что *эффективное социальное государство возникает при условии взаимодействия членов общества, свободно организованных в исторически сложившемся социально-национальном пространстве,*

⁴ Проект новой программы социал-демократической рабочей партии Швеции. Реферативный сборник. М., ИНИОН, 1990. С. 10.

с политикой государства, направленной на согласование интересов, создание материальных условий, трудовой мотивации и духовных факторов реализации потребностей. В каждой отдельной стране социальное государство проходит свой исторический путь развития и принимает свои особые национальные формы.

Абстрагируясь от национальной специфики, социальное государство необходимо рассматривать как общественный феномен, который возникает в процессе становления социально-ориентированной системы ценностей и трудовой мотивации деятельности в интересах большинства членов общества и устойчивого развития цивилизации на планете.

Традиции, уходящие вглубь веков, и масштабные заделы в социально-политической реальности, работающие на социальное государство, имеет российское общество. В фундаменте развития государственности в нашей стране лежала община как форма организации жизнедеятельности славянских племен. Для того чтобы оградить свою территорию от набегов извне, земледельцы-славяне были вынуждены пойти на создание предшественников институтов государства — дружин во главе с князьями, которые и стали на русской земле прообразами государственных структур и институтов. Однако с самого начала община, создав для своей защиты государственную власть, не позволяла ей вмешиваться в дела «земли — мира», т. е. в общинно-семейные отношения. Идея социального и производственного самоуправления проходит через общину, вече, земские соборы, институты земства к Советам народных депутатов, органам местного самоуправления и является основой политики и практики социального государства в России. *Сердцевиной этой социальной традиции — технологии, развивавшейся через века, — является служение народу и Отечеству, контроль за исполнительной властью — чиновничеством, бюрократией, чрезмерным обогащением в ущерб интересам общества.*

Если на Западе реализация прав и свобод человека, как правило, происходила на принципах индивидуализма сверху, через институты государства или церкви в интересах растущего богатого меньшинства, то в России на протяжении веков она осуществлялась через коллективизм русской общины, которая в лучшие времена на самом нижнем социальном горизонте традиционно обладала такими демократическими инструментами и правами, о которых не могла и мечтать любая средневековая европейская демократия: полное самоуправление, невмешательство центральной власти, гласное единодушное решение дел на сходке, совместное владение землей. Еще в VI в. византийский летописец Прокопий Кесарийский писал, что славянские племена «не управляются одним человеком, но издревле живут в народоправстве (демократии), и поэтому у них счастье и несчастье в жизни считается делом общим»⁵. Уникальный продуктивный духовный потенциал, работающий на идею социального государства, всегда несло в себе православие, которое сумело сохранить и пронести через века адекватное христианское понимание свободы и равенства, на почве русской общинной реальности, развил их в идею соборности — свободного коллективного единения людей разных социальных сословий в любви к общим ценностям и идеалам.

⁵ История СССР с древнейших времен до наших дней. В 12 т. М., 1966. С. 344–345.

Попытки подменить соборно-коллективистский принцип самоуправления русского российского общества, как правило, всегда приводили к насилию, падению нравственности, войнам и массовым репрессиям. Тирания Ивана Грозного, отвергнувшего традиции Боярской думы и Земских соборов, коллективных советов с боярами и народом, привела к Смутному времени. Авторитаризм Петра I и Сталина, осуществлявших ускоренную материальную и духовную модернизацию, также не мог не привести к массовым человеческим жертвам. Но и в первом, и во втором, и в третьем случаях духовное ядро русского общества оказалось не затронутым. Здоровые общинно-коллективистские закономерности социального уклада брали верх и позволяли сохранять единство русского и ищущих у него защиты братских народов.

Принципиальное отличие Российского государства от всех существовавших ранее империй — Римской, Византийской, Британской, Германской — состояло в том, что оно в первую очередь выполняло защитную функцию по отношению к объединившимся народам, а нерусским предоставляло помощь и не препятствовало в самобытном политическом, экономическом, культурном развитии. Русский народ и государство в процессе экспансии способствовали социально-политическому и социокультурному развитию присоединяемых территорий. Российская империя и СССР были в большей степени не колониальными, а социальными империями, защищавшими составлявшие их народы, особенно по границам, от уничтожения и вымирания. В стратегическом плане русский национальный политический и хозяйственный генотип всегда опирался на систему этики мирного сосуществования и сотрудничества гуманистических культур, идеологий и религий.

В 50–80 гг. XX столетия после длительного периода мобилизационного выживания в нашей стране начали возникать предпосылки ускоренного развития социальной экономики и государства, проводящего политику в интересах большинства. Обратимся только к одному показателю — объему общественных (социальных) фондов потребления, который дает обобщенное представление о социальной направленности и содержании политики Советского государства (см. табл. 1).

Таблица 1

**Выплаты и льготы, полученные населением СССР
из общественных фондов потребления**

Годы	Всего (млрд руб.)	На душу населения в год (руб.)
1940	4,6	24
1950	13,0	72
1960	27,3	127
1965	41,9	182
1970	63,9	263
1977	99,8	385
1978	105,5	404
1979	110,2	418
1980	116,5	438

Источник: Мы и планета. Цифры и факты. М.: Политиздат, 1982. С. 173.

Однако именно в этот период идеологи и сторонники элитаризма и материального обогащения ради обогащения в нашей стране и за рубежом, используя целую цепь стратегических социально-политических и экономико-технологических просчетов советских политиков, подвели российское общество к той роковой черте, за которой под демократическими лозунгами в нашей стране произошла криминально-буржуазная революция меньшинства. Искусственно вызванным системным кризисом не замедлили воспользоваться те силы, которые всегда выступали против идеи социального государства в пользу элитарного потребительства и максимизации прибыли. Создав в России и постсоветском пространстве колоссальный социальный, материальный и информационный диспаритет, они ослабили человеческий потенциал и пытаются перевести российское общество в режим неэквивалентного обмена с «золотым миллиардом», превратить Россию в донора периферийного капитализма. На практике, как показывают демографические данные, это будет означать сокращение численности населения и неизбежное «сжатие» территории страны (см. табл. 2).

Таблица 2

**Изменение численности населения России в 2010–2030 гг.,
по оценкам Росстата, Отдела народонаселения ООН и Бюро цenzов США**

Источники	2010 г.	2015 г.	2020 г.	2025 г.	2030 г.
Росстат	141,9	142,2	141,9	140,9	139,4
Росстат (без миграции)	141,9	140,7	138,9	136,1	132,8
Отдел народонаселения ООН	142,9	142,2	141,0	139,0	136,4
Бюро цenzов США	139,4	136,0	132,2	128,2	124,1

Примечание: Росстат — оценки на 1 января; ООН и Бюро цenzов — оценки на 1 июля.

Источник: Население России 2009. Семнадцатый ежегодный демографический доклад. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2011. С. 296–297.

Русское национальное и гражданское самосознание впитало в себя ценности и традиции тысячелетнего исторического опыта социокультурной коммуникации с другими народами, сформировало социополитическое ядро культуры самого большого в мире государства эпохи модерна и постмодерна. Российское сознание на протяжении многих веков формировалось в условиях сменяющих друг друга военных побед и поражений. Многократное чередование социальных и экономических подъемов и спадов в развитии, периодическое прохождение общества и государства через кризисы и катастрофы, социополитические «оттепели» и «зимы» создали сущностное своеобразие великой русской политической культуры, привели к закалке и стойкости русского духа — знаний, памяти, ценностных ориентаций, убеждений, веры и воли. Время и интенсивный исторический опыт выковали русский национальный характер и его стратегию жизни: довольствоваться малым и собирать ресурсы для великого — во имя правды и социальной справедливости. Эта жизненная патриотическая гражданская стратегия продолжает работать и сегодня в обстановке «радостей» и «ужасов» современного русского российского капитализма, в условиях развивающихся процессов цивилизационной глобализации.

Эмпирическое моделирование потенциала гражданского общества

Степень развития гражданского общества в той или иной стране проявляется как социальная реальность в многообразии социально-политических признаков. Среди них выделяют базисные фундаментальные признаки, без проявления и наличия которых гражданское общество не может возникнуть. Во-первых, в социальном государстве, которым, согласно Конституции РФ, является Россия, потенциал гражданского общества определяется совокупностью мнений граждан, которые считают, что государство проводит экономическую политику в интересах большинства граждан, т. е. в интересах демократического общества. С этим признаком соотносится второй — совокупность мнений респондентов о том, что государство выражает интересы большинства граждан в стране. Третий актуальный признак, по которому в обществе не прекращаются острые дискуссии, — в чьих интересах в стране проведена приватизация? Четвертый — самоидентификация среднего класса по семи признакам: образование, профессия, квалификация, работа, доход, качество жизни, участие в политике. Пятый — прямая самоидентификация среднего класса. Шестой признак — самооценка денежных доходов населения. Седьмой — выполнение государством своих обязательств по охране прав и свобод граждан. В графическом виде величина измеренного с помощью семи социологических индикаторов гражданского потенциала общества⁶ отображается на графике индексом — площадью многоугольника (см. рис. 1), где:

I-1 — Экономические преобразования соответствуют интересам большинства населения.

I-2 — Российское государство выражает интересы всех граждан.

I-3 — Приватизация проведена в интересах всего общества.

I-4 — Индикатор социальной самоидентификации по семи признакам (образование, профессия, квалификация, работа, доход, качество жизни, участие в политике).

⁶ В статье приводятся данные, полученные в рамках социологического мониторинга «Как живешь, Россия», проводимого Центром стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН с 1992 г. Научный руководитель мониторинга — д. соц. н. В.К. Левашов. Исследовательский коллектив: к. соц. н. И.С. Шушпанова, с. н. с. В.А. Афанасьев, с. н. с. О.П. Новоженкина. В исследовании использована квотно-пропорциональная всероссийская выборка с взаимозависимыми характеристиками генеральной совокупности: пола, возраста, образования, местожительства, национального и социально-профессионального состава. В основу территориального размещения выборки легло экономико-географическое районирование страны при соблюдении пропорции численности населения и пропорций между городским и сельским населением. Объем выборочной совокупности составлял на различных этапах 1312–1866 респондентов. Эмпирическим объектом исследования выступало взрослое население России. Исследования 2013 г. проведены при поддержке РФФИ, проект № 13-06-00166-а «Социологический мониторинг “Социально-политические риски устойчивого развития российского общества в условиях мирового экономического кризиса 2013–2015 гг.”», проект № 12-06-00402-а «Междисциплинарное исследование социальных основ глобальных процессов и новых путей решения глобальных проблем» и РГНФ, проект № 14-03-00321 «Развитие гражданского общества и институтов демократии в России: социологический мониторинг».

I-5 — Индикатор классовой самоидентификации (средний класс).

I-6 — Самооценка денежных доходов населения.

I-7 — Государство выполняет свои обязательства по охране прав и свобод граждан.

Рис. 1. Индекс гражданского потенциала общества в России (S_0)

Источник: Центр стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

В совокупности своих базисных фундаментальных признаков этот индекс показывает величину сущностного ядра функционирующего в настоящее время в стране гражданского общества. Средняя величина индекса гражданского потенциала общества за весь период измерений составляет 6,4 процентных пункта.

Вокруг этого ядра образуются оболочки гражданского общества, которые в своих измеренных значениях отражают проявления других признаков жизнедеятельности гражданского общества. В своей совокупности измерений ядро и оболочка составляют эмпирическую модель гражданского общества в России (см. рис. 2).

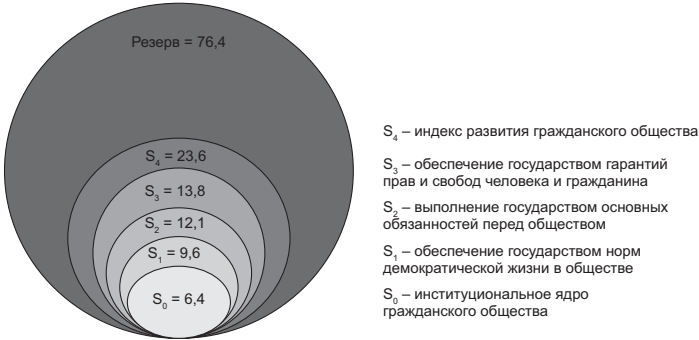

Рис. 2. Эмпирическая модель гражданского общества в России — декабрь 2013 г.

Источник: Центр стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

Первая оболочка эмпирической модели показывает обеспечение государством норм демократической жизни в обществе. Индекс обеспечения государством норм демократической жизни в обществе составлен из семи признаков — совокупности мнений граждан о соблюдении равенства всех граждан перед законом, прав человека, социальных гарантий, свободы политического выбора, терпимости к чужому мнению, свободы слова, обеспечении личной безопасности. Российские граждане достаточно критически оценивают деятельность государства на этом поприще. Наибольшие оценки на всем протяжении измерений респонденты выставляют усилиям властей на трех направлениях деятельности: обеспечение свободы политического выбора (55%), свободы слова (53%), терпимости к чужому мнению (43%). Причем все три индикатора заметно потеряли в своих значениях за период с начала экономического кризиса, а затем «подросли» к июню 2013 г. Динамика изменения всех трех признаков за прошедшее пятнадцатилетие незначительна. В большей мере выросла оценка усилий государства по поводу обеспечения условий проявления терпимости к чужому мнению. Парадоксальность социополитической ситуации заключается в том, что именно на этих направлениях деятельность государства критикуется наиболее жестко как со стороны левых, так и со стороны правых партий.

Остальные четыре простых индикатора имеют меньшие значения, но бóльшую динамику изменений: социальные гарантии (рост с 3 до 32%), соблюдение прав человека (рост с 4 до 30%), личная безопасность (рост с 3 до 28%), равенство всех граждан перед законом (рост с 8 до 21%). Показательно, что граждане выше оценивают те направления деятельности государства, которые связаны с отменой политических, идеологических, информационных запретов. Здесь потребовались радикальные директивные действия политиков. Формирование условий для реализации социальных гарантий, соблюдения прав человека, безопасности и равенства граждан перед законом требует не только политической воли, но и значительных объемов материальных, интеллектуальных, организационных, временных усилий и ресурсов. Среднее значение индекса за весь период наблюдений составило — 9,6%, что и определило площадь первой оболочки гражданского общества.

Вторая оболочка эмпирической модели гражданского общества определяется величиной индекса выполнения государством своих основных обязанностей перед обществом, который составлен из следующих индикаторов: регулирование производства и распределения товаров и услуг, обеспечение достойной жизни и всестороннего развития граждан, развитие науки, культуры и образования, охрана природы и использование ресурсов, налогообложение и взимание налогов, охрана прав и свобод граждан, прав собственности, правопорядка, оборона страны, обеспечение мира и поддержание мирового порядка, сотрудничество и укрепление связей с СНГ, защита жизни и прав соотечественников за границей, интеграция в мировую экономику, международное сотрудничество в решении глобальных проблем. Средняя величина индекса выполнения своих обязанностей перед обществом за весь период наблюдений составила — 12,1%.

Третья оболочка эмпирической модели гражданского общества определяется величиной индекса обеспечения государством гарантий прав и свобод человека и гражданина: равенство перед законом и судом, свобода мысли и слова, право на выбор профессии, право на получение информации, право на отдых, защита государством материнства и детства, право на социальное обеспечение и пенсию, на жилье, на охрану здоровья и медицинскую помощь, право на благоприятную окружающую среду, на бесплатное образование, на судебную защиту прав и свобод гражданина.

Средняя величина индекса обеспечения государством гарантий прав и свобод человека и гражданина составила за весь период наблюдений — 13,8%.

Наконец, **четвертая** оболочка эмпирической модели гражданского общества определяется с помощью индекса мнений граждан о развитии гражданского общества как оценка гражданами восьми сущностных критериев развития гражданского общества: правовое государство — господство закона, перед которым все равны и который защищает права, свободы и безопасность граждан; право собственности — владение, пользование и распоряжение имуществом; политическое и идеологическое разнообразие политических партий; общественные организации, представляющие и защищающие интересы граждан; открытость и доступность информации о положении дел в стране и за рубежом; свобода слова — право граждан без ограничений выражать свое мнение; демократия, свобода политического выбора; самоуправление — инициативное участие граждан в управлении делами по месту жительства, работы, учебы и т. д. Средняя величина индекса развития гражданского общества составила за весь период наблюдений — 23,6%.

Эмпирическую модель развития гражданского общества в нашей стране можно представить в форме концентрических окружностей, каждая из которых величиной своей площади выражает среднее за период наблюдений числовое значение индекса.

Как отмечалось выше, индекс ядра модели агрегирован из индикаторов, которые отражают мнение граждан по поводу сущностных сторон своей жизни в российском обществе, но без смысловой увязки с проблематикой гражданского общества. Площадь каждой предыдущей окружности учитывается в последующей.

Как видно из динамики представленных индексов (см. рис. 3–7), все они имеют тенденцию к росту, т. е. российское гражданское общество расширяет свои социальные границы. Резервы строительства гражданского общества значительны — 76,4%.

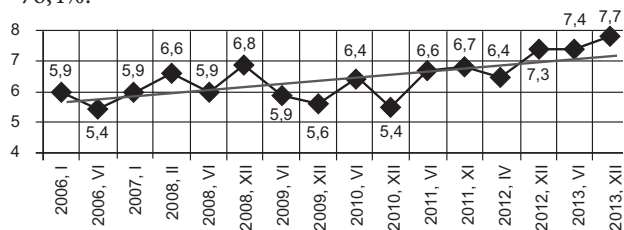

Рис. 3. Динамика индекса гражданского потенциала общества

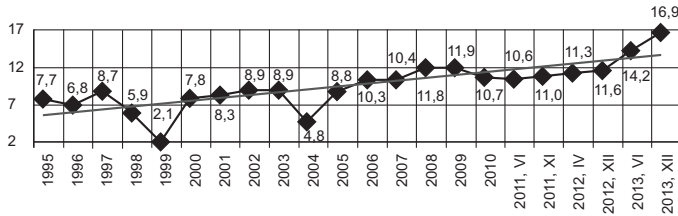

Рис. 4. Динамика индекса обеспечения государством норм демократической жизни общества

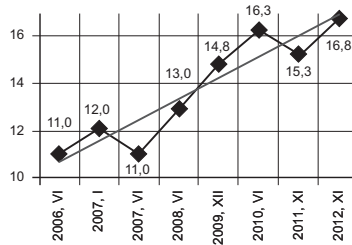

Рис. 5. Динамика индекса выполнения государством своих основных обязанностей перед обществом

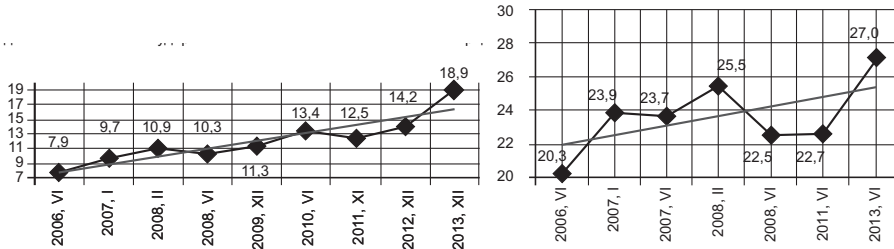

Рис. 6. Динамика индекса обеспечения государством гарантий прав человека и гражданина

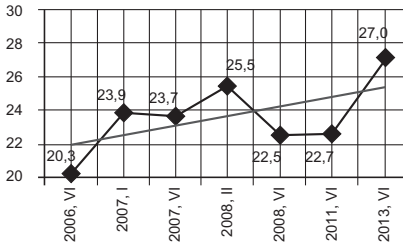

Рис. 7. Динамика индекса развития гражданского общества

Источник для построения рис. 3–7: Данные Центра стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

Социально-политическая устойчивость гражданского общества

Понятие «устойчивость» в приложении к гражданскому обществу («социальная устойчивость») существует в диалектической связи с понятием «неустойчивость», экстремумом которой является кризис общества — вплоть до распада. Социальная устойчивость в соответствии со структурой областей общественной жизни складывается из социально-экономической, социально-политической, социально-идеологической, социально-психологической устойчивости.

Все эти сферы общественной жизни при их несомненной связи являются относительно самостоятельными. В наших работах о развитии российского общества конца XX – начала XXI в. разрабатывается проблематика «социально-политической устойчивости» и проводится сравнение ее динамики с динамикой социально-экономической устойчивости. В этой работе мы опираемся на результаты социологического мониторинга социально-политической устойчивости российского общества «Как живешь, Россия?», проводимого коллективом исследователей под руководством автора в Институте социально-политических исследований РАН в 1992–2014 гг. Перспективы устойчивого развития российского общества во все возрастающей степени зависят от внешних условий, от процессов, которые происходят в формирующемся планетарном социуме и трансформирующейся системе мирового хозяйства.

В период перестройки и радикальных реформ проблемы достоверного научного отражения отношения населения к происходящим социальным изменениям приобрели особое значение. Глубина, масштабность и неоднозначность результатов социальных и политических преобразований поставили вопрос о теоретическом обосновании и создании адекватной российским условиям социологической измерительной системы устойчивости общества, ее количественных показателей.

Социально-политическая реальность в каждый конкретный момент отражается в массовом сознании в виде суждений, мнений, оценок, ориентаций, ожиданий, прогнозов и т. д., которые могут быть исследованы методами эмпирической социологии. При этом, конечно, нужно учитывать, что каждый конкретный индивид со своим сознанием как бы «вмонтирован» в общую систему социально-политических связей. Социально-политические отношения выражаются через интересы и изменяются в процессе деятельности, имеющей целью удовлетворение потребностей и интересов различных классов, групп, слоев общества и отдельных индивидов.

Перевод вербальных определений в квантифицируемые показатели предполагает создание системы социальных индикаторов, которые измеряются эмпирическими методами, в том числе с помощью репрезентативных опросов общественного мнения, и поэтому могут служить свидетельством выражения интересов тех или иных субъектов социально-политических отношений и общества в целом. Эта система строится из шести отдельных социологических индикаторов, каждому из которых придается своя шкала значений; в своей совокупности они использованы автором для построения интегрального индекса социально-политической устойчивости общества (ИСПУ). Обобщенное выражение динамики индикаторов социально-политической сферы представлено в сконструированном континууме за весь период наблюдений (см. рис. 8).

Из рис. 8 видно, что большинство индексов имеют отрицательное значение и находятся в зоне, которая обозначена как зона кризисного развития. Каждый из показателей как бы «высвечивает» определенную сторону социально-политической жизни российского общества со своими особенностями проявления. Общая тенденция массового отчуждения населения от проводимых реформ выразилась в том, что большая часть российского общества определенно осоз-

нала для себя проигрыш от их осуществления. Будучи отстраненной от управления собственностью и практически только на выборах участвуя в демократических процедурах, подавляющая часть населения не доверяет новым группам элиты: банкирам, крупным предпринимателям, олигархам, коррумпированной верхушке бюрократического аппарата. Низко доверие к должностным лицам госаппарата, полиции, всех правоохранительных органов. Время от времени обостряется фундаментальное социально-политическое противоречие: государство своей политикой радикальных либеральных реформ противопоставляет себя обществу, а общество, исчерпав внутренние резервы выживания, не поддерживает асоциальную направленность проводимых преобразований.

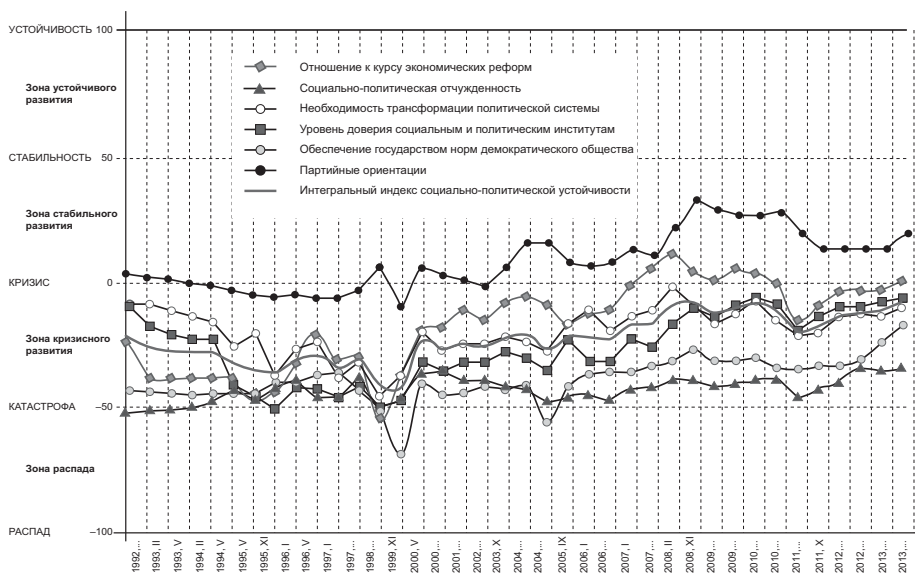

Рис. 8. Динамика интегрального индекса и индикаторов социально-политической устойчивости

Источник: Центр стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

Мониторинг общественного мнения, безусловно, является зеркалом социальных изменений. Но это зеркало не дает точного знания динамики общественного сознания, взятого в целом. Используемые в социологии эмпирические методы опроса населения дают возможность оценить изменения в материальных условиях жизни, потребностях населения лишь косвенным образом, через их отражение в сознании людей. Сопоставление динамики интегрального индекса социально-политической устойчивости (субъективного показателя) с основными объективными показателями, характеризующими изменение состояния экономики, дает следующую картину (см. рис. 9).

Анализ динамики объективных социально-экономических и субъективных социально-политических показателей развития российского общества в период радикальных реформ показывает, что в стране происходило противоборство двух тенденций. Первая определяется совокупным действием тех социальных и политических сил, которые отражали стремление во что бы то ни стало продолжить курс радикального либерального реформирования.

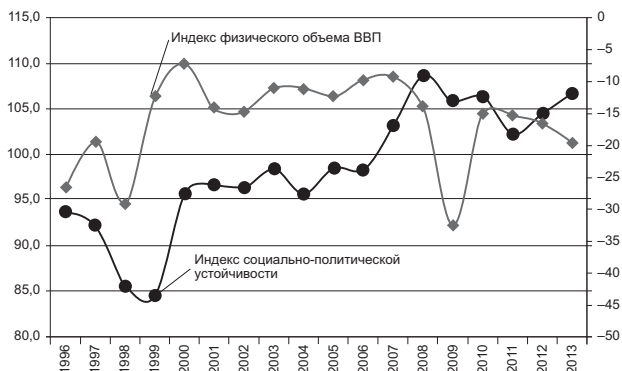

Рис. 9. Динамика экономического и социально-политического развития российского общества в 1996–2013 гг.

Источники: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/tab3.xls; Центр стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

За этой тенденцией стоит сравнительно небольшая часть общества — крупная буржуазия и новая бюрократия, которая обслуживает квазилиберальные реформы и которая «обменяла» старые властные привилегии на собственность и доходы с нее.

Стратегия устойчивого развития гражданского общества и правового государства возникает на основе *процесса формирования современной политической культуры*. В содержании и формах политической культуры гражданского общества происходят динамичные изменения. Они выражаются в:

- переходе от культуры физического и социополитического господства к культуре согласования в системе отношений «человек – общество – природа»;
- замещении принципа «знание – сила» на «знание – возможность действия в интересах жизни»;
- замещении антропосферной модели развития на биосферную;
- переходе от элитарной к массовой политической коммуникации;
- переходе от демократии меньшинства к демократии большинства;
- сочетании вертикали и горизонтали власти в сетевой демократии;
- замещении представительной демократии демократией массового прямого участия;
- департизации и децентрализации аппарата государственной власти.

К настоящему моменту стали проявляться *социально-политические императивы, следование которым позволило бы обеспечить социальную консолидацию российского гражданского общества и правового государства в процессе устойчивого развития:*

- отказ от квазилиберальной идеологии реформирования и переход к научно-обоснованной стратегии и политике социально интегрированного устойчивого развития;

- принятие Президентом, Правительством и Федеральным Собранием РФ плана создания рабочих мест в высокопроизводительном секторе экономики и восстановления и запуска народного хозяйства России;

- инициирование процессов конституционного строительства, позволяющего вернуть страну на путь демократического правового государства и гражданского общества;

- принятие чрезвычайных законов и создание в Генеральной прокуратуре следственных органов, подчиненных Федеральному Собранию и Прокурору РФ, по борьбе с преступностью и коррупцией, действующих по эффективно зарекомендовавшему себя в международной практике принципу «чистой политике — чистые руки»;

- ревизия старых и создание новых государственно-регулируемых и национально-ориентированных кредитно-финансовой и налоговой систем, обеспечивающих накопление и увеличение отечественных и иностранных инвестиций в экономику России;

- ревизия государственной собственности и пересмотр приватизационных проектов в тех случаях, когда они противоречат социальным интересам и ведут к ослаблению экономического и человеческого потенциалов страны;

- обязательное использование социальных критериев и учет социальных последствий при принятии управленческих решений;

- создание и формирование подлинных органов народовластия, которые явились бы механизмами социальной солидарности, интеграции и контроля политических решений;

- опора в экономической стратегии на государственный сектор передовых, базовых и наукоемких отраслей промышленности;

- использование позитивного мирового и отечественного опыта системно-планового реформирования социально-экономических отношений;

- приоритет развития наукоемких отраслей промышленности над финансовым и посредническим капиталом, нейтрализация его негативного влияния на процессы инвестирования производственных отраслей экономики;

- провозглашение государством монополии внешней торговли по тем товарным позициям экспорта и импорта, где эта мера принесет быстрый социально положительный результат;

- провозглашение новой региональной экономической политики, в основе которой лежали бы объективные потребности населения территорий и страны в целом, а не групповые и субъективные интересы;

- создание эффективных материальных и моральных стимулов, позволяющих большинству граждан России превратить в реальных собственников и вовлечь в активное управление и распоряжение собственностью.

Выводы

Социологический и политологический анализ процессов в российском обществе показывает, что в ходе рыночных реформ столкнулись две логики действий: логика консервативного либерализма «господства над природой», войны с природой ради искоренения бедности во имя богатства и новая логика сосуществования и баланса интересов устойчивого развития человека, общества и природы. В российском обществе и государстве идет медленный процесс осознания приоритетов и целей устойчивого развития — движения в будущее в интересах будущих поколений, продолжается процесс социализации государства и этатизации общества — формирования социального государства. Сегодня важнейшими задачами являются изменение доминирующей нетрудовой мотивации деятельности на трудовую, декриминализация общественных отношений, борьба с коррупцией. Противостояние новых и старых идей, нового и старого способов жизнедеятельности проявляется как на национальном, так и на глобальном уровнях. Старый, потребительский способ жизнедеятельности человечества неминуемо ведет к материальной и духовной деградации для большинства граждан. Новый — открывает перспективу для ныне живущих и будущих поколений.